

Соч.: Заведомо ложные измышления: повести. М., 1989; Бульварный роман // Знамя. 1990. № 4; Подход Кристаповича. М., 1993; Похождения настоящего мужчины в Москве и других невероятных местах. М., 1993; Притчи о выборе // Смена. 1993. 13 февр.; Нельзя одновременно мести тротуары и заниматься литературой... // Невское время. 1996. 4 янв.

Лит.: Плахов А. Коллективные мечтания, или Подход Кабакова // Знамя. 1990. № 3.

О. И. Козлова

КАБАНКОВ Юрий Николаевич (псевдонимы Ю. Надеждинский, Епифаний Пустынник) [21.7.1954, Владивосток] — поэт, переводчик, критик, эссеист, богослов.

После школы служил на флоте, затем работал парашютистом-пожарным. В 1975–78 учился в Дальневосточном ун-те, работал корреспондентом радио. В 1978 поступил в Литинститут, в семинар Ал. Михайлова (окончил в 1983). Стихами К. еще в студенческие годы заинтересовались К. А. Кедров, Л. Г. Баранова-Гонченко, Е. Н. Лебедев. Одно время был близок кружку «метаметафористов» (К. Кедров, И. Жданов, А. Еременко, А. Парщиков), но затем почувствовал корневую связь с исконной худож. традицией и сблизился с патриотическими кругами лит. общественности. После ин-та К. несколько лет учительствовал в г. Чернь Тульской области, потом вернулся в родное Приморье.

Член СП с 1988.

Первая поэтическая книга К. «**Кто слухит ветром...**» вышла в Москве в 1986 и была удостоена премии изд-ва «Молодая гвардия». По мнению Вал. Устинова, уже на ранней стадии поэтической эволюции К. ему была свойственна сложно-метафорическая манера письма, информативная и символическая насыщенность, требующая специальных комментариев: «Уже от гудящего зноя в осоке вскипал муравейник, / сухая долина курилась крутым кипятком разнотравья, / откуда роса не упала и месяц холодный не выплыл, / срезая колосья и тусклые угли в печи раздувая; / бесшумно стекала вода по дощатому телу плиты, / а мельничный жернов легонько разлузгивал спелые зерна, и звезды покачивались на тонких стеблях камышинок, / и пахло молочной прохладой ночное дыхание затона...» (Тверской бульвар, 25: альм. Лит. ин-та им. А. М. Горького. М., 1982). К. одним из первых в своем поколении заявил о склонности к эпическим жанрам. Опираясь на традицию советских поэтов П. Васильева, Б. Корнилова, русских классиков XIX в. Ф. Тютчева и Е. Баратынского, авторов XVIII в.

Г. Державина и М. Ломоносова, писателей древнерусской лит. школы, поэт не менее упорно стремился выработать собственный авторский стиль.

Индивидуальная манера К. сочетает в себе начала, кажущиеся разнородными и неслиянными. Как отметил в шуточных стихах «Поэт и Чернь», посвященных К., его друг и однокурсник М. Попов: «Он не похож на Кузнецова, / но кажется порою мне: / он Мандельштам и Кольцова / в себе соединил. Вчерне» (Эгоист. 2004. № 1. С. 151).

В работе над стихами и поэмами К. нетороплив, основателен. Каждое слово выверено, тщательно подобрано. Мощные фактурные пласты, яркие и прочувствованные метафоры, соединение архаических слоев лексики и совр. реалии все это составляет основу авторской индивидуальности: «Озимым холодком повеяло со стрельбищ. / И ныла тишина у леса между пальцев. / Утробой дождя обсасывая камни, / над нами моросила брезентовая осень. / Дороги земноводны. Оглухшие стрекозы / Беспомощно хлопочут у выжженных обочин, / где, охлаждая дизель, зимуют черепахи, / Разумно озираясь на вымерших оленей...» (**Камни преткновенны**. С. 33).

Однако это плотное, мужественное, метафорическое письмо отнюдь не мешает поэту при необходимости достигать полувоздушной легкости и трогательности мироощущения: «Вот и опять поджидаю тайком: / Может, хоть сумерки душу залечат! / Месяц взойдет над затихшим заречьем, / Звякнув уздечкой под самым окном... / Мне ли не знать, как была хороша / Робкая завязь нашего крова! / Время умчалось, звякнув подковой. / Господи! Как ты была хороша!» (Тверской бульвар, 25. С. 158–159).

Нередко в поэзии К. текст связывается с уже известными явлениями искусства, вводится в общий контекст культуры. Названия стих. «**Цыганы**», «**Апофеоз Башмачкина**» отсылают к классическим текстам. К. «слишком образован, слишком знающ в истории, в литературе вообще и в литературе христианско-православной, в частности,— пишет В. Тыцких.— Для читателей... такое наполнение знанием оборачивается множеством аллюзий... В слове Кабанкова всегда отчетлив дух, философский пафос, и уже по опорным сигналам, по базовым метафорам он вполне открыт для внимательного прочтения» (Тыцких В. Приближение к Юрию Кабанкову).

Дальний Восток также отразился на материале и стилистике стихов К. Его увлечение

творчеством китайских и японских мастеров приводило к тому, что в самостоятельных произведениях поэта звучали органично и ненавязчиво элементы восточной эстетики: «Хотелось бы пожить подольше / На берегу восточной бухты, / И разбивать одним ударом / Незащищенный панцирь краба, / И для единственного друга / Смолить ночами плоскодонку» (Камни преткновенные. С. 27).

Сам К. так выражает собственное творческое и жизненное кредо: «...по самому ремеслу своему поэт суть Агасфер и Летучий Голландец, блуждающий в эстетическом мареве того же смятения, суесловия и тщеславия» (Автобиография. С. 289).

Постепенно усиливается интерес поэта к древнерусской житийной и, шире, православной лит-ре. Изучив произведения минувших столетий, он выступает с лит. мистификацией: объявляет себя переводчиком и толкователем пророческих, проповеднических и критических текстов «забытого автора XVI века Епифания Пустынника». К. представляется первооткрывателем неизвестного поэта и его сочинения «Отреченная Псалтирь» — книги с явно выраженным еретическим уклоном. Сам он выступает автором переложения древнего текста на совр. русский яз. Состоит оно из 27 частично сохранившихся псалмов-камней, поэтому К. называет их вкуче со своим «упреждением» и комм. «Камни преткновенные». Работа эта продолжалась, по свидетельству автора, с 1987 по 1990.

Мистификация была выполнена на столь высоком уровне языковой, философской и религиозной проработки, что даже ведущие специалисты по древнерусской лит-ре приняли ее за переложение реально существующего древнерусского памятника. Между тем в самом звучании выдуманного апокрифа слышится стилистика совр. поэта: «Но мысль усопшая ужели не воскресла?.. / блудница, распоясавшая чресла, / тварь, пожирающая собственный послед, / ужимка дьявола и похоть серафима!.. / (и дух, сказал бы я, козла Трофима, / столь неподверженный влиянию планет!)» (Камни преткновенные. С. 172).

К. выступает и как критик, посвящая ряд статей совр. поэзии: «**Уже не переходный возраст**» (Лит. учеба. 1986. № 5), «**Обращение**» (Лит. учеба. 1991. № 3); «**Дар равновесия Александра Романенко**» (Лит. Россия. 2000. № 44), творчеству поэтов Владивостока (Дальний Восток. 1998. № 2). В 1995 К. обратился с открытым письмом к редактору газ. «Русская мысль» И. Иловайской, в котором призвал не отожд-

ествлять политические и метафизические истоки трагедии еврейского народа.

В 1990-х происходит поворот К. к духовно-религиозным проблемам (и в творчестве, и в преподавании богословских дисциплин, он становится старшим преподавателем кафедры теологии и религиоведения Ин-та истории и философии ДВГУ). В эти годы появляются новые стихотворные подборки, эссе. В книгу К. «Камни преткновенные» (1999) вошли лирика, поэма «Камни преткновенные» и избранные философские статьи и эссе поэта, среди которых «**Слово о Светлом Воскресении**», «**Слово о православии как причине единственно возможной живой цельности мира видимого**», «**„Не видит премудрость в душу злохудожну...“ (Пушкин: поэтический путь духовного служения)**», «**Христианство и русская словесность в зеркале японской культуры**» и др.

В книге К. так поэтически выражает свой духовный путь: «...Внимая злу языческих стихов, / плененный остывающей минутой... / И я вкусил от их небесной смуты / я, Божий раб Георгий Кабанков».

К. известен как переводчик: в 1991 в Москве вышла книга переводов К. белорусского поэта Л. Дранько-Мойсюка «Проза радости».

В 2002 К. выдвинут на Пушкинскую премию (Германия). Член Русского ПЕН-центра. Живет во Владивостоке.

Соч.: Кто служит ветром... М., 1986; Разговор. М., 1987; Третье искушение (О несмирении власти) // Дальний Восток. 1995; Камни преткновенные. Владивосток, 1999; [Стихотворения] // Любимые дети Державы. М., 2002. С. 290–314; [Автобиография] // Любимые дети Державы. М., 2002; Апология искупления: Симонов монастырь в судьбах русского православия. Максим Грек // Дальний Восток. 2003. № 1. С. 18–195; Белая вежа: Стихотворения / соавт. Л. Дранько-Мойсюком. Владивосток, 2004.

Лит.: Лебедев Е. ...Куда ж теперь стопы свои направим? // Лит. учеба. 1989. № 3. С. 8–86; Тыцких В. Приближение к Юрию Кабанкову // Лит. Россия. 2000. № 34. 25 авг.; Пермякова И. Заложник в битве тьмы со светом: О поэзии Юрия Кабанкова // Дальний Восток. 2001. № 7/8. С. 267–270; Баранова-Гонченко Л. Поймите лишь, каких носители вы сил! // Любимые дети Державы. М., 2002.

С. М. Казначеев

КАВЕРИН (настоящая фамилия Зильбер) Вениамин Александрович [6(19).4.1902, Псков — 2.5.1989, Москва] — прозаик.